

Раздел I. КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Л. Волков

10 книг,
которые потрясут мир¹.
От Декларации 1990 г.
к Конституции 1993 г.

Почему я позволил себе перефразировать заглавие знаменитой книги Джона Рида²? Да потому что вышел в свет последний том, последняя книга **документальной** истории создания Конституции РФ, которая действительно способна перевернуть расхожие представления о том, что есть народ России и каким могло быть, есть и может быть Российское государство. Конституционная история России гораздо длиннее, чем обычно принято считать. Она несколько не короче такой же истории других современных стран Европы. Будучи самоубытной, она, начиная с ее ранних шагов, во многом сходна с ними. Разумеется, речь идет о феодально-сословных конструкциях, феодально организованной монархической власти, но ограниченной, однако, сословным и церковным советом. И кстати, о конституции, воспринимаемой народом как таковой.

Так было повсюду в европейском Средневековье, пока не наступили новые времена. В России, однако, произошел обрыв. Его совершил московский Вели-

¹ Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993 г.г.) в 6 т. (10 кн.). Под общ. ред. О.Г. Румянцева.

² Джон Рид. 10 дней, которые потрясли мир.

кий князь, Иван Четвертый Грозный, провозгласив себя Царем «опричь» всякой конституции, кроме его собственной воли¹.

С тех пор история российской конституции надолго превратилась из истории реального права в историю конституционных утопий, а борьба за конституцию — в революционную борьбу.

Впрочем, связь западных конституций с революциями исторически вполне оправданна и понятна. Может быть, именно поэтому так настойчиво русские конституционные идеи связывают с «влиянием» или «заимствованием» у Запада. И действительно, конституционные проекты самодержавной эпохи исходили от людей, хорошо знакомых с идеями западного просвещения. Западного ли только, однако?

Любопытно, что проекты Панина, Сперанского оставались в основном словесными как раз в то время, когда довлевшие западному просвещению и вышедшие прямо из народа простые бравые ребята в Америке и Франции создавали конституции, уничтожавшие как раз сословность во имя всеобщей свободы и равенства. Мне думается, что в этом сказались не только интересы авторов, но и преемственность русской правовой идеи прошлого. Что-то не совсем это похоже на простое заимствование. Многотомное издание документов, относящихся к созданию нынешней Конституции РФ, разумеется, не посвящено долгой конституционной истории России. Но оно документально воспроизводит не менее длинную в масштабах современного бега времени реальность правового творчества народа. Ибо, хотя конкретные положения различных конституционных проектов вносились конкретными людьми, принимались они избранными народом и отражали его потребность и его менталитет. В чем же особый интерес издания, в чем его уникальность?

Издание бросает богато документированный вызов представлениям о том, что российской нации конституция якобы нечто чуждое и ненужное, что у народа якобы нет потребности в конституции, в праве, нет собственных конституционных представлений и идей, что действующая Конституция 1993 года есть исключительно искусственный продукт группки интеллектуалов вкупе с корыстными политиками, списанная к тому же с западных образцов и шпаргалок.

В отличие от изданных ранее стенограмм Конституционного совещания 1993 г., по определению ограниченных лишь заключительным двух-трехмесячным этапом обсуждения последних версий Конституции и невольно воспринимаемых как протокол: кто чего сказал, публикуемое издание в десяти объемистых книгах раскрывает длительную, более чем трехлетнюю историю биения коллективной мысли, коллективных, народных страстей вокруг конституции, ставшей в конечном счете реальным и главным воплощением государственных чаяний, интересов и противоречий народа. Конституция в эти три года ста-

¹ См. об этом исследования из числа новейших, напр., обстоятельные исследования известного историка А. Янова: Александр Янов. Россия: у истоков трагедии. 1462–1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. — М.: Прогресс-Традиция, 2002 — 559 с.

ла как бы живым телом воссоздаваемого Российского государства. И точно таким же живым организмом выглядит рецензируемое документальное издание. Оно составлено из разных, порой еще и сегодня кровотокающих документов. От официального содержимого досье государственных архивов до сохранившихся в личных хранилищах набросков, записок, дневников. Оно проникает как бы в интимную суть конституционного процесса, показывает его нерв и плоть. Не говоря уже о том, что оно дополнено солидным объемом мемуаров участников этого процесса, которые также являются неоценимыми человеческими и политическими свидетельствами недавней истории. Таких свидетельств в российской истории, думается, не столь уж много. Проект сравним с документацией, опубликованной после Февральской революции, и с протоколами первых Государственных дум начала XX века, хотя даже последние не содержат такого разнообразия фактов, мыслей и настроений.

Казалось бы, сухой набор документов. Но читается, как увлекательный исторический роман. И потому представляет двойную ценность и для сегодняшнего и завтрашнего историка, юриста, политолога, политика, но и для литератора, поэта и просто читателя. Вот так я понимаю это издание, которое обязано своим появлением людям, поразительно сочетающим в себе черты академических ученых, сухих протоколистов, энергичных менеджеров и бесконечных романтиков во главе с «вундеркиндом перестройки» Олегом Румянцевым. Ну а теперь — по порядку.

Том первый, 936 страниц, хронология — 1990 год. Главная тема тома — начало конституционного процесса — процесса учреждения конституционного государства Россия. Она восходит своими датами к дням еще до начала работ Съезда народных депутатов РСФСР. А если обратиться к опубликованным в завершение издания дополнительным документам томов пятого и шестого, то датировка спускается еще ниже — в 1989 и даже 1988 годы. Здесь мы находим не лишнюю драматизма и даже детективного момента историю самого образования Конституционной комиссии РФ. Она оказалась призванной сразу же заняться не просто реформой советской Конституции республики, которая незадолго до того уже была реформирована по образцу измененной руководством Горбачева Конституции СССР, а созданием совершенно нового основополагающего государственного документа. Интрига, как свидетельствуют документы, состояла в том, что проект реформы уже ранее готовился в недрах движения (а затем фракции) «Демократическая Россия» в большой мере по инициативе молодого демократа, а позднее депутата Олега Румянцева. Быть может, самое важное состояло в том, что Румянцев тщательно продумал организационную, вернее, организационно-правовую сторону работы над будущей Конституцией. И тут особое значение имело создание в рамках облеченной высокими полномочиями Съезда Конституционной комиссии особой рабочей группы из наиболее квалифицированных депутатов и экспертов — юристов, философов, историков, правозащитников. Проект Румянцева был утвержден распоряжением Б.Н. Ельцина и одобрен Съездом. Так была открыта дверь в лабораторию, предназначенную исследовать, опробовать и предложить избранному наро-

дом Съезду, а затем самому народу особый лабораторный продукт — систему целей, ценностей, органов, а также правил их взаимодействия в национальном организме, который называется государством. Документы первого тома не только фиксируют накал гражданской инициативы участников данного процесса, но и обнаруживают биение конституционной мысли, критические подходы, творческие решения, обнаруживают неизбежные разногласия и в то же время высокую меру консенсуса, особенно в рабочей группе.

Вместе с тем они фиксируют и обозначившиеся с самого начала противоречия в фундаментальных подходах внутри самой Конституционной комиссии как принципиального, так и процессуального характера. Противоречия эти в дальнейшем нашли отражение в работе самого Съезда и избранного им Верховного Совета

Главными из них были два:

– должна ли новая Конституция оставаться советской, а государство — государством советов, или оно должно стать парламентской либо президентской республикой, основанной на принципах разделения властей;

– соответственно процессуально, т. е. организационно, следует ли главным направлением избрать выработку и принятие совершенно новой конституции, или же достаточно путем поправок изменить старую, советскую.

Причем, как мы видим из документов, расхождения по этим вопросам далеко не всегда определялись политическим и идеологическим колером депутатов, иначе говоря, условно «коммунистов» и условно «демократов» разных оттенков. Так, внесенный видными представителями ленинградских демократов проект «Декрета о власти», напоминал известный из истории лозунг «Советы без коммунистов». «Всякое противоправное вмешательство политических партий, партийно-политических органов и иных общественных организаций в деятельность органов государственной власти и управления, хозяйственную и социально-культурную деятельность государственных предприятий, учреждений и организаций должно пресекаться незамедлительно и со всей решимостью», — вполне справедливо указывалось в этом проекте и до сих пор звучит актуально¹. Но поскольку проект ничего не говорил ни о самом характере «государственных органов», ни о разделении властей, то они и были интерпретированы как «Советы» в принятом на основе Декрета Постановлении Съезда народных депутатов от 20 июня 1990 г. 51.1: «Народ осуществляет государственную власть *через Советы народных депутатов*, а также в формах непосредственной демократии»².

Вторым, вернее, параллельным важнейшим вопросом начала конституционного процесса был вопрос суверенитета РСФСР. Не случайно документальная часть первого тома открывается именно проектом Декларации «О сувере-

¹ Т. 1. С. 63.

² См. Т. 1. С. 62, — курсив мой. — Л.В.

См. также критику проекта Декрета о власти депутатом Р. Пименовым. Т. 6. С. 48–51.

нитете РСФСР». Это один из самых первых вариантов, написанный в основном будущим экспертом Конституционной комиссии, видным правоведом Л.С. Мамутом¹. В нем, в отличие от Декрета о власти, Россия провозглашается правовым государством, основанным на разделении властей. Сегодня трудно себе представить, насколько ново это было в то время, насколько тема правового государства, разделения властей была запретной в советские времена.

Вопрос же о суверенитете стал одной из наиболее болезненных тем как советского, так и постсоветского времени. Возможно, в комментариях к этим документам первого тома редакции следовало бы привести выдержки из старых, а также на то время еще действовавших советских конституций. Тогда стало бы более ясно, что «суверенитет» каждой союзной республики в составе СССР был издавна записан во всех республиканских конституциях и как «формулировка» ничего нового сам по себе не представлял². Фокус заключался в том, что вслед за формальным провозглашением суверенитета каждой республики обычно следовали статьи, которые смысл и значение этого «суверенитета» не только не раскрывали, но сводили на нет. Ибо **суверенитет** по определению не может быть частичным и тем более не может быть расщепленным.

В РСФСР вопрос о реализации ее суверенитета обострился к концу перестройки, когда стало ясно, что даже по сравнению с другими республиками Россия даже ограниченной государственности не имеет. Советский Союз как империя был государством-партией, или «партогосударством». Старый российский принцип дуализма власти в советские, особенно сталинские и послесталинские времена был реализован как реальное сосредоточение власти и управления в руках КПСС, то есть ее «номенклатуры», формально юридически ни перед кем не ответственной, но прикрытой щитком бюрократически организованных Советов. В большинстве союзных республик были свои компартии и свои «номенклатуры», которые пользовались достаточной автономией в осуществлении власти и своих интересов. В РСФСР не было и этого. РСФСР была лишь метрополией империи, подчиненной политике и перераспределительным функциям союзной верхушки с ее номенклатурой. Фактически она превратилась во внутреннюю колонию режима.

С поворотом к гласности и реальным выборам ситуация эта стала открыто нетерпимой. Концепция суверенитета вышла на первый план в избирательных кампаниях и в начале работы избранного Съезда народных депутатов РСФСР. Об этом свидетельствуют документы, в том числе мемуарные, последнего шестого тома нашего издания, к которым мы еще обратимся. Однако значение этой концепции в выступлениях и дебатах часто приобретало двоякий или двус-

¹ См. Т. 1. С. 37.

² Я отчасти восполняю этот пробел и цитирую: «Союзная республика — **суверенное** советское социалистическое государство, которое объединилось с другими советскими республиками в Союз Советских Социалистических Республик». Конституция СССР 1977 г., ст. 76. — курсив мой. — Л.В.

мысленный характер. Почти все участники выборов говорили о суверенитете РСФСР, вкладывая в это понятие различный смысл, а чаще никакого особого смысла, кроме желания потрафить националистическим амбициям предполагаемых избирателей. На этом фоне выделился распространяемый как рукопись проект группы ленинградских экономистов (Проект «Альфа»), названный: «Об экономическом суверенитете Российской Федерации»¹. В нем содержались серьезные иски центральному руководству, описывалось ущербное положение республики, предлагалось изменить ее бюджетный и в целом экономический статус, обеспечить ее самостоятельность в проведении хозяйственной реформы на рыночных основаниях, включая реформу собственности. «Основными целями осуществления экономического суверенитета РСФСР, — утверждалось в проекте, — являются обеспечение экономических и социально-политических интересов республики, кардинальная реформа хозяйственных отношений для полной реализации природного, экономического и интеллектуального потенциала республики, создание на этой основе современного народного хозяйства и достойной социальной сферы, возрождение общечеловеческой морали и национальной культуры»².

Предложенный «Альфой» проект закона «Об экономическом суверенитете РСФСР», по сути, был рассчитан на почти полное отделение РСФСР от Союза ССР. Метрополия должна была вступить на совершенно независимый от союзной надстройки и от периферии империи собственный путь социально-экономического и финансового регулирования. Однако такого рода «экономический» суверенитет неизбежно требовал решительных изменений всей конструкции власти и всей системы права как Союза, так и республики. Радикально очерченная в нем рыночная свобода экономического риска, в частности свобода предпринимательства, банковского дела, кредитов, требовала создания очень четких и надежных форм права собственности и соответствующих гарантий государства. Этого «экономический суверенитет» в варианте «Альфы» не предусматривал.

Требования изменения положения России в составе Союза предъявляли и представители откровенно консервативных течений. «России нужна своя развитая творческая *государственность*, нужна своя, ратующая за интересы всех наций республики, *партия*. *Русские и другие народы РСФСР* должны стать полноправными и свободными *хозяевами* в своем запущенном доме». Эти слова редактора журнала «Наш современник», поэта Станислава Куняева³ напрямую перекликаются с аргументами сторонников экономического суверенитета РСФСР. Но, рисуя реформаторов агрессивными революционерами, Куняев декларирует принципиальный консерватизм и продолжает: «...Раз-

¹ См. Т. 5. С. 124—130.

² Т. 5. С. 109.

³ См. Станислав Куняев. За слово весомое! «Правда», 20.10.1989. «Правда», 20.10.1989. № 293. С. 3. См. также Т. 5. С. 31.

ве можно считать врагами всего нового ... рабочего, крестьянина, инженера, которые почему-то не хотят ... славить наших доморожденных предпринимателей. ... Наш современник требует ... духовной жизни, связанной, в том числе и с возрождением религиозных, моральных и культурных ценностей, ... чтобы мы стали опираться на забытые или полузабытые традиции гуманизма, всечеловечности в их национальной ипостаси»¹. Если очистить высказывания авторитетного литератора от некоторого специфического налета, то проступает намерение противопоставить самостоятельность России от союзного центра именно модернизационным устремлениям реформаторов. И С. Куняев был, конечно, не одинок и по-своему, прозорлив как это стало особенно заметно 20 лет спустя.

Идею «экономического суверенитета», однако, быстро подхватили противники реформ, в том числе явные и скрытые противники Горбачева. Они свели ее к предложению создать в РСФСР собственную компартию, свою Академию наук и несколько расширить бюджетные возможности республики. Таким образом открывалась возможность под видом «экономического суверенитета» создать в лице РСФСР институционализированную платформу оппозиции не только реформаторским устремлениям «демократов» во главе с Ельциным, но и самому Горбачеву с его постепенными преобразованиями. В ответ на это, как видно из документов первого, пятого и шестого томов, была выдвинута идея Декларации о **государственном** суверенитете РСФСР², дополненная затем предложениями о постепенном переходе от декларативных документов к конституции переходного периода, рассчитанной на 7—10 лет действия³.

«В настоящее время республика не располагает подготовленным государственным аппаратом. Авторитет республиканской власти опирается на роль Съезда народных депутатов РСФСР, принявшего популярную Декларацию о суверенитете республики, личный авторитет Председателя Верховного Совета РСФСР, способность новых государственных и политических структур проводить инициативную опережающую политику. В этой ситуации многое зависит от своевременного принятия принципиальных правовых документов, годных для составления правовой и моральной базы последующего решения сложных и противоречивых вопросов. Декларация о государственном суверенитете, принятая высшим законодательным органом республики, уже создает основу для такой базы. Принятие двух других деклараций послужит основой для последующей компромиссной корректировки в Федеративном договоре и Союзном договоре. Декларации станут серьезным инструментом влияния на договорный и конституционный процессы. Заложенные в них принципы явятся плацдармом для разрешения наиболее сложных противоречий и могут быть подкреплены

¹ С. Куняев. Там же.

² См. Т. 1, С. 47, Т. 5. С. 32—33, Т. 6, С. 43—44.

³ См. Т. 6. С. 56—58.

на промежуточном этапе референдумом». Опираясь на такие аргументы, выдвигался развернутый проект конституционной по своей сущности народно-хозяйственной, в том числе кредитной, реформы¹.

Итак, казалось бы, небольшая «лингвистическая» новелла — термин **«государственный»** в декларации о суверенитете — сыграла едва ли не решающую роль в последующем развитии событий. Исторически существовали понятия народного суверенитета, государственного суверенитета в международном праве, суверенитета монаршей власти. Противопоставив изобретению «экономического» суверенитета суверенитет «государственный», демократы показали эфемерность идеи чисто «экономического» суверенитета без приобретения РСФСР положения реального государства. Понятие «государственный суверенитет», таким образом, стало основополагающим правовым понятием, определившим дальнейшие судьбы республики и Союза. И именно так происходит становление правовых понятий, когда введенные в оборот, они активно воспринимаются людьми, народом как право. Нужно ли мне подкреплять этот тезис ссылками на теории замечательного русского юриста Петражицкого?² Так вот идея «государственного суверенитета», формулировка «государственный суверенитет» была немедленно подхвачена и воспринята практически всем составом съезда, который в конечном счете и принял соответствующее постановление³. РСФСР из «территории» превратилась в «государство». Государству требовалась Конституция, начало и принципы работы над которой и были заложены в «Декларации о государственном суверенитете РСФСР» от 12 июня 1990 г.⁴

Документы первого тома, дополненные позднее документацией шестого тома, рассказывают о том, как создавалась Конституционная комиссия и каким напряженным, творческим и по-своему драматичным был ее путь к массивному конституционному проекту. Может быть, лучше всего об этом сказано во вступительной статье к первому тому фактического архитектора Конституционной комиссии Олега Румянцева, выдержки из которой я и позволю себе процитировать.

«Через четыре дня после принятия Декларации, 16 июня 1990 г., Постановлением Съезда народных депутатов РСФСР «Об образовании Конституционной комиссии» была образована Конституционная комиссия из числа народных депутатов РСФСР в составе председателя, заместителя председателя и 100 членов комиссии».

И далее: «При формировании Комиссии ключевые политические силы, регионы, многочисленные депутатские объединения — все хотели видеть в ней

¹ См. там же. К этой теме мы еще вернемся. — Л.В.

² См. напр. Л.И. Петражицкий. «Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология» 1905г.

³ См. Т. 1. С. 51.

⁴ См. Т. 5. С. 32–33.

своих представителей. Сначала решили формировать комиссию от региональных депутатий. Однако очень скоро стало ясно, что в первоначальном «списке 86-ти» прочное большинство занимали «консерваторы». Тогда Б.Н. Ельцин поддержал предложение ввести и утвердить дополнительный список членов Конституционной комиссии — группу депутатов-правоведов, юристов-практиков, обществоведов и управленцев, что обеспечивало равенство и соревновательность между основными политическими силами... Члены Конституционной комиссии от республик, краев, областей, автономных областей и ряда автономных округов РСФСР на самом деле представляли зачастую не столько регион, сколько определенную партию (депутатскую группу). Получилось несколько громоздко, эдакий весьма непростой в управлении «мини-съезд», зато политически представительный с профессиональным участием и, наконец, с ощутимым присутствием реформаторских сил, что для предстоявшей ответственной работы было значимым условием»¹.

Автор не сообщает здесь о том, что схема создания работоспособной, творчески ориентированной Конституционной комиссии и ее активного профессионального ядра — Рабочей группы — была им подготовлена еще задолго до начала работ Съезда. Но мы найдем упоминание об этом в документах пятого тома.

«Особая задача ложится на комиссию по подготовке новой Конституции Российской Федерации. От состава этой комиссии и от предложенного ею проекта во многом будет зависеть настрой как депутатов, так и общественного мнения. Нам надо добиваться включения пункта о формировании такой комиссии в повестку дня первого Съезда народных депутатов РСФСР и постараться ввести туда как можно больше здравомыслящих парламентариев, профессионалов (специалистов и политиков), способных стать группой стратегического политического планирования»².

Итак, сформирован особый государственный орган — Конституционная комиссия, орган, призванный не решать конституционные споры, разрешать конституционные коллизии, а выработать новую, причем совершенно нового для России типа, конституцию государства. Создана как бы коллегия отцов-основателей, *father-founders*, правового стержня страны. И в центре ее — Рабочая группа из 27 человек, в том числе депутаты Румянцев, Пименов, Рыжов, Ковалев, Митюков, Золотухин, Шейнис, Волков, Амбарцумов, Цанн-кай-си, Слободкин, Бабурин, народный депутат СССР Оболенский, а также эксперты — видные юристы Аметистов, Мамут, Кикоть, Зорькин, Страшун³.

Здесь напрашивается лирическое отступление в виде сравнения. Я пытаюсь построить аналоговую линию связи с историей *founding fathers* конституции США. В самом деле, вот только что одна из главных колоний большой

¹ Т. 1. С. 21—22.

² Т. 5. С. 139.

³ Полный список см. Т. 1. С. 69—70.

империи декларировала свою независимость от британской короны. И вот всего несколько человек, проникнутых очень современными философскими и правовыми идеями, сели за стол и написали, какой должна стать эта колония, неожиданно превратившаяся в суверенное государство. Всего несколько человек, труд которых потом стал образцом для Французского конвента, для Веймарской Германии, и вот теперь как бы и для русских отцов-основателей.

Вениамин Франклин, ученый — физик, просветитель, политический публицист и дипломат. Георгий Вашингтон, генерал, администратор и политик крестьянского происхождения (чем не Ельцин?). Иван Адамс, юрист из крестьян, адвокат, судья и политический теоретик. Фома Джефферсон, крупный просветитель, убежденный демократ, архитектор, писатель. Интересно, что все они происходили из фермерской среды. И, в частности, Джефферсон был большим сторонником фермерской демократии. В отличие от них адвокат и судья Иван Джей происходил из семьи купца, и стал поначалу умеренным борцом за свободу на почве права. Вообще, все они, за исключением, может быть, Вашингтона, стремились вести борьбу с Англией за независимость и свободу на почве права, в том числе самого английского права, благо это право содержало такую возможность. В итоге именно Джей вместе с Ефимом Медисоном и Александром Гамильтоном создали знаменитый «Федералист», который и стал основой американской конституции.

Так вот, я нарочно транслитерировал здесь их имена в русские, которым они в точности соответствуют. Я делаю это для того, чтобы на этих достаточно простых людей перестали смотреть как на иконы — божественные или дьявольские, как на изваяния, как на памятники. Чтобы их не идеализировали и не идолизировали. Тогда *sine ira et studio* легче и вернее будет понять, что собой представляли отцы-основатели отечественной конституции.

Нет возможности проанализировать здесь все ходы мысли, все оттенки мнений, все документы, связанные с эпохальным моментом начала работ над грандиозным проектом — Конституцией нового, по сути, Российского государства. Необходимо только подчеркнуть особую историческую и юридическую важность этого начального момента, которым были заложены и наложены на весь дальнейший процесс содержательные, концептуальные основы проекта. Читатель сам оценит этот момент по документам первого, пятого и шестого томов издания, включая мемуарную часть последнего.

Итогом нескольких месяцев бдений Рабочей группы стали первые объемные варианты проекта Конституции, в которых достаточно ясно прорисовывались основы совершенно нового конституционного строя, по-новому сформулированные права и свободы граждан, система власти в центре и на местах, судебная система и несколько менее ясно — федеративное устройство республики. Заключительный, осенне-зимний 1990 года проект был представлен Рабочей группой в двух параллельных вариантах — условно «парламентском» и

условно «президентском»¹ и вызвал бурные дебаты на пленуме Конституционной комиссии². А также в самом обществе³.

С этого времени начинается история борьбы идей вокруг проекта Конституции и борьба самих проектов, которая довольно быстро становится одной из главных осей всего политического процесса, вернее достаточно бурной политической истории периода 1990—1993 годов. Соответственно, мы можем теперь проследить за перипетиями этой борьбы, перейдя на документальные страницы второго, третьего и четвертого томов (книги 2–8) рецензируемого издания.

На первом этапе борьба развернулась в основном между сторонниками сохранения старых, слегка модифицированных советских принципов и институтов, с одной стороны, и представителями радикальной модернизации системы — с другой. Частично она приняла вид расстановки приоритетов — новая Конституция или поправки в действовавшую на тот момент Конституцию 1977 года. Новой Конституцией занимается Конституционная комиссия РФ, поправками к действующей — Комитет по законодательству Верховного Совета РСФСР⁴.

Крупнейшим актом этого периода является учреждение поста Президента РСФСР⁵. Тем самым меняется вся структура центральной власти в республике. Президент становится не только главой государства, но и главой исполнительной власти. В связи с этим становится малопонятной роль таких органов, как Председатель Верховного Совета и особенно Президиум Верховного Совета, которые, однако, продолжают существовать и действовать, как мы видим из документов, в том числе и как распорядительная власть. Здесь возникают пока еще не очень замечаемые, но все нарастающие противоречия с провозглашенным принципом разделения властей — залог будущего серьезного политического противостояния. «Избиратели с изумлением наблюдают, как разворачиваются какие-то свары, раздоры в коридорах российской власти. Подобное неизбежно возникает из-за нечеткости нынешней Конституции, не дающей ответа на вопрос, что такое новая федеральная исполнительная власть, кем и как она контролируется», — говорил в своем выступлении на заседании Верховного Совета РСФСР 10 октября 1991 г. ответственный секретарь Конституционной комиссии О.Г. Румянцев⁶, имея в виду действовавшую на тот момент Конституцию РСФСР.

Обрисовывается и конституционная проблематика федерализма и Федеративного договора⁷. «Мы хотели бы, чтобы именно Конституция, а не какой-либо

¹ Т. 1. С. 597—664. Т. 5. С. 181—261. Т. 6. С. 77—84.

² См.: Т. 1. С. 445—554, 668—731.

³ См.: Т. 1. С. 746—888.

⁴ См. Т. 2. С. 233—247.

⁵ См. Т. 2. С. 165—172, 179—233 С. 249 и др.

⁶ Т. 2. С. 553.

⁷ Т. 2. С. 174

Федеративный договор, закрепила принцип федеративного государства... Необходимо закрепление конституционной, а не договорной федерации»¹.

Исторически важным событием выступает признание трехцветного национального флага РСФСР. Событие это тесно связано с состоявшимся 19—22 августа 1991 г. путчем ГКЧП, которому посвящен ряд важнейших документов второго тома². Объективности ради они включают представляющие теперь уже архивную редкость заявления и обращения деятелей ГКЧП, встречные документы руководства и депутатов РСФСР.

Но второму тому особо «повезло» на сенсационные материалы, поскольку именно в нем содержатся наиболее значимые документы, раскрывающие историю прекращения существования СССР и образования СНГ³. В том числе Постановление Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. № 2014-1 «О ратификации Соглашения о создании Содружества Независимых Государств», в котором говорится:

«Ратифицировать Соглашение между Республикой Беларусь, Российской Федерацией (РСФСР) и Украиной о создании Содружества Независимых Государств, подписанное в г. Минске 8 декабря 1991 года...

...Верховный Совет РСФСР обращается ко всем государствам — бывшим союзным республикам СССР, независимо от их национальных, религиозных и иных различий, разделяющим идеи Соглашения, с предложением присоединиться к Содружеству Независимых Государств для взаимовыгодного сотрудничества в интересах всех народов».

Между тем и в это бурное время продолжалась, как видно из документов второго тома, работа Конституционной комиссии над проектом Конституции, в том числе и над доведением его до сведения широкой публики⁴. Но здесь особый интерес представляет, конечно, публикация проекта от 16 сентября 1991 г. (еще до Беловежских соглашений) с личными правками Ельцина, записанными по телефону ответственным секретарем Конституционной комиссии О.Г. Румянцевым⁵. Здесь Ельцин выступает в роли конституционалиста, члена команды отцов-основателей, и его замечания стоят анализа, в том числе и для понимания личности Ельцина.

Вот одно из первых замечаний Ельцина. В ст. 1 проекта говорилось: «(2) Российская Федерация — республика». Ельцин предлагает: «Записать: «Государственный строй Российской Федерации — республиканский»». Сравним с действующей Конституцией 1993 года. Статья 1. гласит: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство **с республиканской формой правления**» (курсив мой — Л.В.). Не рискую гадать,

¹ Там же, с. 552.

² Т. 2. С. 805—813.

³ Т. 2. С. 814—836.

⁴ Т. 2. С. 277, 324, 338, 342,

⁵ Т. 2. С. 279—323.

имел ли в виду Ельцин, внося поправку, рассуждения Канта о том, что такое «республика» (под которой великий философ понимал и монархию, если монархия служила «общему делу» — *res publicae*). Но мы отчетливо видим, что именно формула Ельцина легла в основу принятой в 1993 г. Конституции.

Далее видим, что еще в 1991 году Ельцин сомневался в том, следует ли ограничивать порядок принятия Конституции «исключительным правом народа». Разумеется, «исключительное право народа» — формулировка слишком размытая. Однако, конституция, не прошедшая через сознание народа, через осознанную волю граждан, прямо скажем, — не очень прочная конституция. Полагал ли, таким образом, Ельцин, что речь пока должна идти лишь об относительно краткосрочной конституции, а не о конституции «на века»?

Скупое сказанное выше наводит на мысль о том, что история очень заинтересована в исследовании правовых представлений Первого Президента России, несомненно наложивших отпечаток и на конституционный процесс, и вообще на всю политико-правовую конструкцию нового общества. Впрочем, как и сама личность этого самобытного человека. Давно следовало уделить этой стороне его личности и его деятельности особое внимание. И приведенный документ в ряду других подобных составляет одну из жемчужин рецензируемого издания.

Но вот проект Конституции из первоначально принятого самой Конституционной комиссией за «рабочую основу» созрел и получил признание как главный проект. Теперь он переходит на другой уровень, в другую стадию. А вместе с ним мы переходим из второго в третий том документов из истории создания Конституции РФ о трех книгах общим объемом 3273 убористо набранных известным издательством «Волтерс Клувер» страницы. Проектом начинает вплотную заниматься Верховный Совет РСФСР, довольно необычное дело в мировой парламентской практике, на чем мы еще остановимся в дальнейшем. Соответственно, в книгах третьего тома преобладают уже не документы личных архивов или внутренние распечатки записок, предложений, проектов отдельных депутатов Съезда или отдельных групп таковых, а документация государственных архивов или официальных Ведомостей и других подобных изданий Верховного Совета. Сказанное не снижает интереса к этим публикациям. Тем более, что они хронологически и логически систематизированы составителями, образуя достаточно связный рассказ. Рассказ этот, как в замедленном кино, позволяет увидеть не только напряженную, кропотливую и насыщенную драматизмом работу над Конституцией этого периода, но и то, как постепенно по ходу этой работы, раскрываются лепестки будущего махрового конфликта.

В первой книге третьего тома мы прежде всего находим документы, открывающие как бы неожиданную истину — работа над новой Конституцией, равно как и сама Конституция в ее проектных вариантах становится предметом широкой информационной политики Конституционной комиссии, Конституция «пошла в народ». Длинный перечень мероприятий по пропаганде Конституции, по ее обсуждению в самых разных углах страны, по сбору замечаний и предложений опровергает для объективного читателя и исследователя представление

о том, что о Конституции мало кто и мало что знал при ее принятии¹. Разумеется, проект Конституции, вынесенный в 1993 году на всенародное голосование, отличался от проекта, вокруг которого велась вся эта публичная работа в 1992 году. Но в данном случае важно не это, а то, что сам конституционный процесс и сам проект, во многом сохранивший свои основы и в действующей Конституции, не были келейным мероприятием, скрытым от глаз народа. В частности, об этом ярко свидетельствуют опубликованные уже в шестом томе интереснейшие дневники тогдашнего члена Конституционной комиссии М.А. Митюкова, в то время народного депутата от Алтайского территориального избирательного округа Республики Хакасия.

Итак, с весны 1992 года достигшим уровня молочной спелости проектом Конституции все более настойчиво занимается Верховный Совет РСФСР, а вслед за ним и Съезд народных депутатов. И здесь мы со все большей ясностью видим развивающиеся, как действительная молочная спелость кукурузы, ростки конституционного конфликта. Конституцией теперь занимаются одновременно как минимум три коллективных тела:

- Верховный Совет с его двумя палатами общей численностью около 250 депутатов, Президиумом и Председателем Верховного Совета.

- Конституционная комиссия, по определению Румянцева, — «мини-съезд», в составе 100 депутатов плюс эксперты.

- Президент Российской Федерации с его Администрацией, советниками, аппаратом.

Но, кроме того, еще существуют Комитеты Верховного Совета, в том числе Комитет по законодательству, который параллельно ведет работу над проектом закона о поправках к действовавшей на тот момент Конституции. Правда, как подчеркивает в своем докладе Съезду его председатель, М.А. Митюков, «законопроект ни в коем случае не является альтернативой проекту новой Конституции»². Но тем не менее перекличка и конкуренция между обоими проектами и, как мы видим из стенограмм и других документов, неизбежна.

Не требуется особого аналитического усилия, чтобы увидеть, какое огромное поле для игры интересов, амбиций, интриг, манипуляций представляло собой подобное распределение функций по разработке и внедрению нового конституционного права. Самое заметное состоит в том, что как проект новой Конституции в редакции, исходящей теперь уже от Верховного Совета, так и проект поправок к действующей Конституции нацелены на существенное усиление в системе власти именно Верховного Совета. При этом определенные группы депутатов настойчиво стремятся выделить особую роль Председателя и Президиума Верховного Совета, фигуры которых с самого начала работы над проектом Конституции были продуманно устранены из всех вариантов проекта, как не соответствующие ни принципам разделения властей, ни вообще основным

¹ См. Т. 3. кн. 1. С. 45—79; 393.

² Т. 3, кн. 1. С. 824.

критериям парламентаризма. На этом вопросе есть смысл задержаться чуть более подробно.

Как Верховный Совет, так и его органы — палаты, президиум, председатель — были самыми очевидными реликтами старой, антидемократической «представительной» системы советского типа. Они принадлежали к реформированной по союзному образцу старой «брежневской» конституции РСФСР. Сделав несколько конституционных шагов в сторону демократизации политической системы СССР, реформаторы из команды Горбачева постарались поставить на пути этого процесса страховочные тормоза и фильтры. Видимо, на такой случай был придуман поверх союзного Съезда народных депутатов постоянно действующий небольшой Верховный Совет. Он с достаточной ясностью был призван играть роль эрзац-парламента, законодателя и гаранта одобрения политики начальства, поскольку в него легко было отфильтровывать наиболее «сознательных» с начальственной точки зрения народных депутатов. Даром что этот мертворожденный орган был еще и постоянно ротируемым и каждый из его наиболее «сознательных» членов боялся потерять хорошо оплачиваемое место. Всю эту неуклюжую конструкцию, начиная со Съезда народных депутатов СССР, назвать парламентом вообще трудно. Она не была в прямом смысле слова народным представительством, т. к. формировалась по корпоративным секциям — от трудовых коллективов, от общественных организаций, от КПСС. При этом сами секции на Съезде не были оформлены структурно. Понять, кто кого представляет и кто перед какими избирателями ответственен, было невозможно. Простор для манипуляции депутатами — неограниченный. Но, по крайней мере с перестраховочной точки зрения власти, вся эта характерная для переходных от диктатур к олигархиям режимов постройка была оправдана. Однако для чего и для кого она была нужна в РСФСР? Республиканский Съезд народных депутатов, в отличие от союзного, не был корпоративным. Народные депутаты РСФСР, в отличие от союзных, были избраны индивидуально напрямую избирателями по одномандатным «мажоритарным» округам. Стало быть, Съезд был полноценным народным представительством, то есть парламентом. Похоже, что никакой логики в создании громоздкой конструкции у тогдашних разработчиков не было. Скорей всего, просто сработала инерция копирования. Между тем по тогдашней Конституции к парламентской телеге Съезда оказалось приставленным как бы пятое колесо, некий тяжеловесный тормоз — противовес нормальной парламентской работе. Верховный Совет, едва насчитывавший четверть непосредственно избранных населением депутатов, да еще разделенных на две формально равноправных, но численно разных палаты, не представлял все население республики, в отличие от Съезда не обладал необходимым авторитетом, а вместе с тем как бы противостоял всему депутатскому корпусу.

Поэтому в самом начале работы Съезда был внесен законопроект: «Весь Съезд — парламент». Законопроект предполагал изменение Конституции и

ликвидацию Верховного Совета¹. Проект был поставлен на голосование и сразу получил поддержку абсолютного большинства депутатов. Для изменения Конституции, однако, требовалось квалифицированное большинство в две трети. При повторном голосовании оно было почти достигнуто. И все же голосов не хватило, поскольку в оппозицию к проекту стали многие представители автономий. Тут кто-то убедил Ельцина, что такая реформа будет слишком дорого стоить. Это было неверно, поскольку в проекте предусматривалась комбинация сессионной системы с участием депутатов в постоянных комитетах и комиссиях. И это не стоило бы дороже, чем постоянные созывы Съездов при все той же работе постоянных комитетов и комиссий. Но переубедить Ельцина не удалось.

Кто знает, может быть, будь принят этот законопроект, удалось бы избежать той путаницы в полномочиях, которая неизбежно должна была произойти и произошла после учреждения поста Президента РСФСР и внесения поправок в действовавшую Конституцию. Осуществилось бы четкое разделение властных функций и полномочий между парламентом и исполнительной властью. Спикер парламента остался бы нейтральным арбитром заседаний, а не претендентом на роль второго главы государства и т. д. Развернувшуюся в результате политическую драму и фиксируют документы третьего и четвертого томов.

Вот что говорил, например на шестом Съезде народных депутатов М.А. Митюков: « В последнее время по объективным, а нередко и субъективным причинам, в нашем государстве сложилась практика делегирования своих полномочий одними государственными органами другим. Нередко эти полномочия **самостоятельно присваиваются** подчиненными и подотчетными органами... Такая практика приводит к конфликтам компетенций, к войне законов, к воспитанию правового нигилизма, создает трудности в применении права, приводит к пренебрежению Конституцией»². В ответ на это, как свидетельствует интересный архивный документ³, группа экспертов Конституционной комиссии подчеркивает, что проблема не в самом по себе принципе делегирования парламентом законодательных полномочий исполнительной власти, что является общепринятой парламентской практикой, а в необходимости строго регламентировать такое делегирование. Но ведь М.А. Митюков имел в виду не только исполнительную власть и не только делегирование, но также **присвоение** полномочий «подчиненными и подотчетными» органами, к числу которых относятся и сам Верховный Совет, и тем более его Президиум и Председатель.

Об атмосфере этого периода свидетельствует еще один документ из личных архивов: Обращение собрания граждан Российской Федерации от 5 апреля 1992 г. к власти и народу. В нем говорится: «Мы обращаемся к парламенту

¹ См. Т. 6. С. 46.

² Т. 2. С. 827. Курсив мой — Л.В.

³ См. Заключение экспертов Конституционной комиссии Данилова, Ильинского, Кикотя, Лафитского, Мамута, Савицкого, Страшуна. Т. 3, кн. 1. С. 837. Из архивов ФКР.

и правительству с призывом отказаться от желания «подмять» друг друга. «Не соперничество, а сотрудничество» — это должно стать принципом ваших отношений. Нам нужна не просто «сильная» власть», нам нужна сильная демократическая власть, которая и представляет собой систему взаимодействия и взаимоограничения сильной законодательной, сильной исполнительной и сильной судебной власти, главный источник силы которых — доверие и поддержка народа»¹.

Итак, работа, дискуссия — предложения сталкиваются на всех уровнях. Особенность ситуации в том, что если в Рабочей группе Конституционной комиссии, как мы видели по материалам первого тома, нормы Конституции и сама ее конструкция создавались изначально, так сказать творились, то теперь работа идет по уже основательно подготовленному тексту. Материалы третьего тома позволяют обозреть не только общие черты и направления сильно расширившегося конституционного процесса, но и разглядеть роли его все более многочисленных конкретных участников. Необходимость в новой Конституции уже мало кто оспаривает, равно как и подготовленный Конституционной комиссией проект в целом. Но от депутатов поступают многочисленные предложения и поправки, фиксируемые чередой публикуемых в книгах тома стенограмм заседаний, промежуточных записок и заявлений, газетных и журнальных публикаций. Все чаще на страницах первой и второй книг тома третьего возникают имена депутатов Шахрая, Шейниса, Головина, Мазаева, Глотова, Митюкова, Бабурина и многих других. Не отстают от них со своими заявлениями и заключениями эксперты Мамут, Кикоть, Страшун.

Но из материалов как третьего, так и четвертого томов становится все более заметным, как со второй половины 1992 г. роль творцов новой Конституции постепенно пытаются примерить на себя создатели конкурирующих проектов, а затем и Президент с его командой. Здесь особый интерес представляет публикация стенограммы пресс-конференции членов и экспертов Конституционной комиссии 2 апреля 1992 г.²

Один из предметов пресс-конференции — альтернативные проекты, и прежде всего проекты коммунистов и Собчака — Алексева. К разбору этих проектов в пятом томе мы еще вернемся. Здесь отметим актуальную в историческом сегодня оценку проекта Собчака О.Г. Румянцевым: «Как политический демарш это не что иное, как конституционный ГКЧП, потому что наносится удар по всем трем ветвям власти Российской Федерации... И при действующем Президенте Российской Федерации недвусмысленно положено начало избирательной кампании Анатолия Александровича Собчака на пост президента Российской Федерации»³.

¹ Т. 3, кн. 1. С. 785.

² Т. 3, кн. 1. С. 705–724.

³ Там же. С. 707. Ср. Л. Волков. Пусть история пишет себя сама. «Время новостей», 2 апреля 2010 г.

Но, раз уж упомянут Румянцев, трудно пройти мимо другого его примечательного высказывания на этой пресс-конференции. «...Конституция — это не просто основной закон. Это свод законов, правил и **обычаев**. Если угодно, цементом, скрепляющим кирпичики конституции, цементом, самым лучшим клеем является обычай, правовой, общественный обычай»¹. Это высказывание ответственного секретаря Конституционной комиссии 1992 г. как нельзя лучше перекликается с одной из основных тем нашего журнала и с публикуемым в нем правовым реликтом — знаменитой статьей Богдана Кистяковского «В защиту права» 1912 года.

Мы подошли теперь к началу конституционной развилки, фиксируемой документами второй половины 1992 — начала 1993 годов (тома 4, 5 и 6).

На фоне интенсивной проработки проекта Конституционной комиссии, ставшего теперь проектом Верховного Совета, появляются первые признаки альтернативных наработок Президента и целый ряд альтернативных проектов, частично как отклик на конкурс, объявленный все той же Конституционной комиссией. Как и в начале деятельности Комиссии наиболее радикальную альтернативу представляют проекты и предложения коммунистов. Они наиболее полно и подробно представлены в документации пятого тома и соответствующим образом прокомментированы как сторонниками, так и оппонентами.

Мы видим, что разные варианты, представленные разными группами, считающими себя коммунистическими, в разной степени стремятся сохранить терминологию прежних советских конституций, включая апелляцию к классовым категориям и ничем экономически не обеспеченным социальным гарантиям. Но дело не только в терминологии. Заметно стремление сохранить организационные принципы советской системы, в основе которой всегда лежал ленинский принцип соединения законодательной и исполнительной власти, приведший, особенно при Сталине, к подавлению партийной исполнительной властью всей системы народного представительства. Вместе с тем появляются и новые черты, включая декларирование политического и экономического плюрализма. Авторы «коммунистических» проектов, особенно такие, как, скажем, В.И. Зоркальцев, прекрасно понимают, что полного возврата к прошлому быть не может и что плюрализм коммунистам как партии в новых условиях нужен не меньше, а может быть, даже больше, чем иным «демократам» или «либералам».

В стремлении отстоять свои позиции с помощью новой Конституции такие авторы, как Ю.М. Слободкин с коллегами, делают упор на сохранение и усиление роли советов трудящихся, выдвигая иной раз при этом не лишние оригинальности идеи и аргументы. Таковым сегодня представляется проект группы народных депутатов, членов парламентской группы «Коммунисты

¹ Там же. С. 723. Курсив мой — Л.В.

России»¹. Он выглядит как попытка предложить вариант Конституции «социализма с демократическим лицом» на основе модификации идей НЭПа. «В РСФСР закрепляется социалистический демократический строй», — говорится в ст. 4 проекта. Попытка эта, однако, скорее декларативна. «Преамбула проекта «Коммунистов России»... насыщена (как и другие разделы) политико-программными заявлениями, что не вполне соответствует регулятивным функциям конституции, превращает ее в декларативный документ», — отмечали критики проекта².

В проекте провозглашается свобода экономической деятельности граждан, но при этом устанавливаются широкомасштабные ограничения в использовании собственности. Собственность выступает как общественная (ведущая), государственная, народная, индивидуально-трудовая, как собственность трудящихся и даже в отдельных, специально разрешенных случаях — частная. В итоге «народная собственность» оборачивается собственностью «органов». Трактовке права собственности (ст.ст. 13—30 проекта) соответствует трактовка политической системы. С одной стороны, РСФСР провозглашается государством «трудящихся». С другой стороны, Советы, как политическая основа государства, объединяют «все слои», а государство объявляется служащим «всему народу, а не какой-либо одной его части».

Политическая система составляется из партий и трудовых коллективов. Модель интересная, но слабо внутренне совместимая, так как трудовые коллективы представляют собой достаточно замкнутые корпорации и «партиям» там едва ли есть место.

Разделение властей провозглашено, но фактически в проекте реализовано нечто прямо противоположное — громоздкая, многоярусная, внутренне противоречивая система «советских» органов³. Тут и Верховный Совет со всеобъемлющими полномочиями, и Президиум Верховного Совета как его исполнительный орган, и две парламентские палаты, и Президент, и Правительство как высший исполнительно-распорядительный орган государственной власти с премьером, фактически избираемым Верховным Советом. Верховный Совет РСФСР правомочен рассматривать и решать любой вопрос, относящийся к ведению РСФСР (статья 104).

¹ Т. 5. С. 504 и далее.

² Из статьи Кабышева и др. Т. 5. С. 564.

³ Нечто подобное вообще характерно для переходных недемократических режимов. Например, в Испании Франко послевоенного периода выполнявшая роль конституции фашистская «Хартия труда» была заменена «органическими законами», установившими сложную многоярусную систему представительных и исполнительных органов, допускавшую выборы депутатов в некоторые из них на «семейной» основе. Система позволяла перебрасывать решения и ответственность за них из одного органа в другой, сохраняя верховный контроль за «вождем». — *Прим. авт.*

Значение «коммунистических» проектов, однако, постепенно сходит на нет, поскольку они не находят достаточной поддержки ни и у Верховного Совета, ни даже на Съезде.

В томе пятом, однако, представлено множество интереснейших проектов и отдельных предложений, которые позволили автору настоящей публикации говорить во вступительной статье к пятому тому о «всплеске русского конституционализма», к которой автор и отсылает читателя¹.

Но вот в проектные игры вступает Президент. Знакомясь с материалами второй—третьей книг тома третьего и томом четвертым, мы все яснее слышим его голос, даже если он говорит устами своей команды. Наступает главный детективный сюжет всей конституционной драмы. Июль 1992 г. Перед нами уникальный документ из архива ФКР — «сырая» расшифровка магнитной записи встречи Б.Н. Ельцина с координаторами парламентских фракций. Депутаты обеспокоены судьбой Съезда. Съезд не предусмотрен в проекте Конституции, только что одобренном шестым Съездом. Ельцин заверяет депутатов: «если будет Конституция принята, допустим в 93-м году, мое мнение, что депутаты должны весь свой срок обязательно проработать в комитетах, комиссиях с Верховным Советом по своим избирательным округам и так далее, до конца своего срока»². Здесь уже просматривается намечаемый президентом вариант переходных положений новой Конституции. И тут я не могу удержаться от личного комментария. Ведь именно нечто подобное — сохранить ВСЕХ депутатов в составе комитетов и дать им возможность завершить свою работу ПОСЛЕ указа 1400 о прекращении деятельности Съезда — предлагал я накануне октябрьских событий 1993 года С.А. Филатову³. Как жаль, что такие документы, как эта запись, не публиковались тогда. Может быть, удалось бы избежать стрельбы по Белому дому. Но возвращаюсь к этому уникальному первичному документу: программа углубления реформ, говорит Ельцин, «открыта для конструктивных предложений. Фракции Верховного Совета, партии, общества — любые конструктивные предложения, которые действительно вписываются в эту стратегию, в том числе какие-то тактические и так далее, принимаются в эту программу»⁴.

Кстати, из этого фрагмента, как, впрочем, и из ряда других документов, видно, как Ельцин воспринимает всю эту неуклюжую «законодательно-представительно-распорядительную» постройку — Съезд, Верховный Совет, Президиум — с ее путаным переплетом компетенций, когда и ему, Президенту, не очень понятно, с кем, когда и над чем работать. Исследование одной только этой стороны роковых событий начала девяностых может составить не только

¹ Т. 5. С. 27 и далее.

² Т. 3, кн.2. С. 44

³ См. Л. Волков. Русская Весна. Опыт исповеди бывшего нардепа. Дружба народов. 2008. Номер 2. С. 172.

⁴ Т. 3, кн. 2. С. 45

предмет хорошей докторской диссертации, но и позволит гораздо полнее понять их реальный смысл и, так сказать, поведенческую структуру. В какой мере витиеватые переплеты конституционных конструкций тех времен сами по себе, даже независимо от воли актеров, создавали рамки и стимулы их поведения. И тут открывается еще одна ипостась высокой исследовательской ценности рецензируемого издания.

И в этой связи нельзя не обратить внимания на тот момент, что с одобрением проекта Конституции Съездом народных депутатов сам проект как бы приобретает значение уже не проекта Конституционной комиссии, председателем которой является Ельцин, а то ли проекта Верховного Совета, то ли «съездовского» проекта. Таким образом, создается процессуальная и, тем самым, психологическая предпосылка для противопоставления этому проекту проекта другого избранного народом органа — Президента. Недаром на той же встрече с депутатами Ельцин заявляет, что было его ошибкой передать фактическое председательствование в Конституционной комиссии Председателю Верховного Совета Хасбулатову, и выражает намерение вернуться к председательствованию в Комиссии. Конституция просто не может выпасть из рук Президента. Да еще Президента-реформатора, взявшего на себя огромную ответственность за результаты реформ. Состояние вполне понятное. Политики, в том числе крупные исторические деятели, а Ельцин принадлежит к ним, при всем том тоже просто люди. К сожалению, чисто личные моменты ни при составлении проектов Конституции, ни при продвижении этих проектов в жизнь достаточно продуманы и учтены не были. Результат — быстро развернувшаяся борьба амбиций, выразившаяся в формах не разделения, а взаимоуничтожения властей, инструментами которого стали война конституций, референдум, суд.

Перипетии этой войны с достаточной полнотой и объективностью представлены в документах третьего и четвертого томов нашего издания, а также вступительных статьях к ним. Разумеется, эти документы конституционного характера косвенно отражают глубокие различия в подходах к очень нелегкому делу социально-экономических реформ. Немалую, хотя, пожалуй, не столь значительную роль, как это встречается в некоторых преувеличенных оценках, приобретают конституционные вопросы национально-территориального устройства Федерации. И все же центральное место занимают ключевые вопросы центральной власти России: президент, парламент, судебная власть. Документы четвертого и шестого томов дают возможность детально проследить за тем, как и кем решались эти вопросы по мере перехода инициативы в конституционном процессе от Верховного Совета и Съезда к Президенту и созванному им Конституционному совещанию.

В сегодняшнем информационном (или дезинформационном) обиходе нередко можно встретить утверждения о том, что действующая Конституция 1993 года составлена или написана то ли А. Собчаком, то ли С. Алексеевым. Иные утверждают, что она подготовлена С. Шахраем. Третьи считают, что автор ее О. Румянцев. Документы, которые мы описали выше, и дополнительная

документация шестого тома убедительно показывают, что текст Конституции 1993 года — коллективный продукт. Нетрудно убедиться, что в основе конституционной конструкции лежат первичные наработки Рабочей группы Конституционной комиссии 1990 года. Ничего другого в арсенале всех последующих участников конституционного процесса изначально просто не было. Но воспринятые Конституцией 1993 года идеи разделения властей, двухпалатного парламента в составе верхней (федеральной) и нижней (общетерриториальной) палат, включая название «Государственная Дума», особого Конституционного суда, Конституции как закона прямого действия были сформулированы и приведены в систему именно тогда и там. Точно так же, как трактовка федерации как суверенного конституционного, а не договорного образования, не говоря уже о радикально и тщательно разработанных главах о правах человека и гражданина.

Тут в пору вспомнить старую гегелевскую диалектику. Конституционная комиссия выдвинула проект Конституции как «тезис». Президентский проект можно рассматривать как «антитезис». Конституция 1993 г. — «синтез». Тезис, правда, подвергся значительной обработке и даже переработке по ходу его прохождения сквозь тенеты Верховного Совета и Съезда, но в основе своей сохранился. Собственно, одной из причин такого положения вещей была как бы внутренняя диалектика самого «тезиса». Проект был представлен в двух вариантах организации центральной власти — «полупарламентском» и «полупрезидентском», поскольку единства на этот счет не было в самой Рабочей группе.

Вот как свидетельствуют об этом дополнительные документы шестого тома 1990 года.

«В ситуации крайне запутанных политических и экономических отношений в стране, резких противоречий в состоянии общественного сознания, развала экономики и необходимости радикально новых решений, основанных на непрерывном поиске и эксперименте, представляется принципиально неправильным принимать Конституцию «на века». Речь может идти только о Конституции переходного периода, которая будет основополагающим рабочим документом, способным практически заложить основы будущего устойчивого общества в России. Отсюда вытекает несколько исходных принципов работы над Конституцией и самой Конституции:

- 1) действие Конституции должно быть ограничено определенным сроком: 7—10 лет;
- 2) на этот срок Конституция должна быть принята как **непосредственно действующий** юридический рабочий документ, отражающий все задачи переходного периода и исключающий законодательство и практику, несовместимые с этими задачами. Возможность изменения Конституции в период ее действия должна быть жестко ограничена». Предлагалось при этом принять Декларацию об основах хозяйственной жизни в республике со следующими принципами в ее основе: «приоритет рациональной хозяйственной деятельности, основанной на инициа-

тиве, **разумном риске и ответственности** любого хозяйствующего субъекта — частного лица, хозяйственной корпорации, правительственного или местного органа»; **«отделение собственности от государственного управления»**¹.

А вот другой документ того же 1990 года. «...Нормы Конституции имеют силу непосредственно действующего права... Российская Федерация — президентская республика. Президент является главой исполнительно-распорядительной власти... Законодательная власть принадлежит двухпалатному парламенту»².

Цитирую третий редкий документ из личных архивов: «Конституционный суд Российской Федерации состоит из 21 судьи, избираемых Федеральным парламентом на совместном заседании палат. Конституционный суд обновляется на одну треть каждые три года... Кандидатуры судей Конституционного суда предлагаются Всероссийским советом судей (или иным подобным органом), общероссийскими органами общественных организаций юристов, советами юридических вузов и факультетов, юридическими научными учреждениями...»³. Что осталось от этой продуманно нацеленной на реальную независимость и высокую квалификацию конструкции профессора Страшуна после Конституционного совещания, можно видеть в ст. ст. 125 и 128 действующей Конституции.

Но документы «дополнительной» части шестого тома возвращают нас еще к одному роковому эпизоду конституционной истории 1990—1993. Это редко теперь доступные записи, протоколы и стенограммы периода августовских событий 1991 года. Вот выступление М.С. Горбачева перед депутатами Верховного Совета РСФСР 23 августа 1991 года. Вот что он говорит, отвечая на вопросы: «...До конца буду настаивать на том: если мы расколем общество, не пойдем на **объединение вокруг демократических движений и сил всего здорового общества**, то будет драка в нашем обществе. А мы ее должны сейчас избежать, и люди ее тоже не приемлют. Вы обратили внимание, что часть людей прореагировала «порядок», а кое-где даже звучит: «Давайте Брежнева, давайте Сталина, лишь бы был порядок». Поэтому мы должны решать дела в условиях законности и демократии»⁴. Звучит почти пророчески. Жаль только, что подобное не было сказано много раньше, тогда, возможно, и не было бы путча ГКЧП.

Но к этим дням и к этим документам относится еще один конституционного значения эпизод. Цитирую стенограмму: «М.Б. Челноков... Уже неоднократно ставился вопрос о том, что люди требуют поднять над Белым домом как символ нашей победы трехцветный флаг. Руслан Имранович, сколько времени Вы

¹ Л.Б. Волков. Основы Конституции РСФСР. Обоснование. Т. 6. С. 56–57. — курсив мой — Л.В.

² В.Д. Зорькин. Принципы конституционного строя Российской Федерации. Т. 6. С. 61.

³ Б.А. Страшун, Конституционный суд Российской Федерации. Проект. Т. 6. С. 65.

⁴ Т. 6.С. 474. Курсив мой — Л.В.

будете не ставить на голосование, сколько времени Вы будете заматывать этот вопрос?! Я требую немедленно поднять над Белым домом...»¹.

«О. Г. Румянцев... Мы все-таки должны сейчас перед митингом принять постановление относительно нашего национального флага. Я подчеркиваю, не государственного флага: это не в компетенции Верховного Совета, но Верховный Совет может подойти к вопросу об официальном признании и использовании исторического национального флага России, трехцветного флага. Проект постановления вам сейчас роздан»².

Этим дебатам предшествует еще одно выступление. «Л.Б. Волков... У меня есть две просьбы. Первое. Долг каждого парламента понимать и представлять народ. Сегодня мы почувствовали, что находимся во взаимопонимании с народом. Но народ, защитивший парламент, просит в знак символа этой победы поднять над зданием Верховного Совета трехцветный флаг. Мы не решаем сейчас, не предрешаем вопрос о Государственном флаге России. Но символ победы свободной России, демократической России из уважения к нашим защитникам должен быть поднят, и я прошу принять соответствующее постановление Верховного Совета»³. На этом символическом и романтическом моменте истории России я хочу закончить обзор документов, собранных в данное гигантское издание и коснуться в заключение его не менее впечатляющей мемуарной части.

Здесь выступают такие ключевые фигуры той эпохи, как С.А. Филатов, Р.И. Хасбулатов, С.М. Шахрай, Г.Э. Бурбулис. Здесь мы встречаемся с видными и очень видными депутатами самой разной ориентации, о ком принадлежащий к когорте наиболее видных депутатов С.Н. Бабурин сказал однажды: «мы народные депутаты навсегда»⁴. Это Б.Е. Немцов, В.Л. Шейнис, М.А. Митюков, Б.А. Золотухин, Ю.М. Слободкин, А.М. Оболенский, Л.П. Мишустина, Ф.В. Цанкай-си, В.Б. Исаков, Е.М. Кожокин, В.Д. Мазаев, Ч.-Д.Б. Ондар, В.Н. Подопригора, С.Н. Булдаев, В.И. Самарин, А.Ю. Царев, А.Л. Головин. Список мемуаристов продолжают «академики», активные участники конституционного процесса: Л.С. Мамут, В.А. Кикоть, Б.А. Страшун, В.И. Лафитский, М.В. Емельянов. Свои воспоминания предоставили и некоторые высокие должностные лица того времени: С.Ю. Глазьев, В.Г. Степанков, Г.А. Гаджиев, Н.Т. Ведерников, а также сотрудники секретариата Конституционной комиссии М.В. Гришина, А.А. Гольцблат и игравший немалую роль внештатный консультант К.В. Янков.

¹ Т. 6. С. 440.

² Т. 6. С. 448.

³ Т. 6. С. 428. Возможно, стенограмма не полностью воспроизводит выступление. Там говорилось о трехцветном флаге, как **флаге Февральской революции**. См. Л.Волков. Русская Весна. Опыт исповеди бывшего нардепа. Дружба народов. Независимый литературно-художественный и общественно-политический журнал. 2008 г. № 2, с. 169.

⁴ Радио «Свобода», Беседа С.Н. Бабурина, Л.Б. Волкова и др. с ведущим М. Соколовым, 23 августа 2009 г.

Я не считаю для себя возможным комментировать здесь эти своеобразные документы. Могу только сказать, что в них где менее, а где более обстоятельно представлены факты и анализы рассмотренных выше событий так, как они увидены глазами большого числа их активных участников и творцов. И тем более интересно, насколько по-разному они увидены.

Так, бывший народный депутат и государственный секретарь РФ Геннадий Бурбулис, считает, что с принятием Конституции 1993 года заложены лишь «фундаментальные **предпосылки** формирования и развития новой **российской государственности**, новой российской культуры и нового мировоззрения»¹. Суть и смысл новизны, считает Бурбулис, заключается в становлении российского конституционализма как **системы ценностей**, как основы государственно-политического развития и **как широкого социокультурного общественного движения**. Означает ли это движение к новой конституции, которая все же должна стать просто костяком и нервом правовой системы, позволяющей строить поведение как государству, так и гражданам на юридической основе, остается пока открытым.

В отличие от прежнего автора, судья Ведерников сообщает в своих воспоминаниях целый ряд существенных фактов. Примечателен его рассказ о работе съездовской комиссии над Декларацией о государственном суверенитете РСФСР, первоначальный проект которой, как мы видели, был подготовлен в недрах «Демократической России» и представлен Съезду Ельциным. «Комиссия была шумная, во многом состоявшая из депутатов неюристов, не понимавших и не принимавших юридические формулировки, ощущался настрой на этом всего ранее устоявшегося...»²

О Декларации как важнейшем моменте конституционного процесса говорится во многих мемуарах, в том числе и написанных автором этих строк. В противоположность «экономическому суверенитету» в его «номенклатурной трактовке «...мы с Румянцевым выступили с предложением Декларации о **государственном суверенитете** РСФСР. Это был совершенно другой проект, радикальный и вместе с тем понятный большинству Съезда...»³.

Чрезвычайно интересен среди других фрагмент воспоминаний судьи Конституционного Суда Г.А. Гаджиева. Они многое объясняют. «Я учился в начале 70-х годов на юридическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Государственное право нам преподавал профессор Л.Д. Воеводин. Я помню его лекции, на которых он убежденно доказывал, что в СССР, в соответствии с интересами советского народа и в целях укрепления социалистического строя, гражданам гарантируются свободы слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Леонид Дмитриевич был честным человеком, но как-то его слова не убеждали, потому что все студенты знали, чем закончился в 1968 году вы-

¹ Т. 6. С. 717.

² Там же. С. 722.

³ Там же. С. 730.

ход на Красную площадь в Москве группы интеллигентов, протестовавших против ввода советских войск в Чехословакию»¹.

Публикация С.Ю. Глазьева, бывшего министра правительства Гайдара, представляет собой, собственно, не мемуары, а инвективу нынешнему правящему режиму, об обоснованности которой судить читателю. Исходя из того, что критерий эффективности Конституции — экономические показатели страны, в частности ВВП, автор связывает все перечисляемые им пороки режима именно с порочностью самой Конституции, главным из которых Глазьев считает недостаточность конституционной ответственности «лиц, власть предержавших». «Практическое отсутствие ответственности власти, — пишет Глазьев, — закреплено в Конституции нормами, регуливающими импичмент главе государства, отставку Правительства, принятие федеральных и федеральных конституционных законов, назначение судей, порядок и полномочия представительной власти».² Не вдаваясь в оценку правовой обоснованности данных утверждений, нельзя все же не заметить, что критерий экономической эффективности вряд ли столь жестко применим к анализу конституций. Согласно такому критерию неэффективными следует признать и конституцию США, и конституцию Франции, и конституцию Германии и т. д., имея в виду не только нынешний структурный кризис и торможение или снижение ВВП в этих странах, но и неоднократно повторявшиеся тяжелейшие экономические кризисы и рецессии в этих странах на протяжении истории их конституций.

Трудно не процитировать весьма актуальный сегодня фрагмент из воспоминаний депутата А.Л. Головина. «Выборы 90-го года привели во власть огромное количество новых людей. Выборы проводились на альтернативной основе, практически отсутствовал административный ресурс, коммерциализация и пиар-технологии были еще только впереди. В результате среди народных депутатов (именно народных — пожалуй, это прилагательное наиболее точно отражало статус избранных депутатов) появилось большое количество энергичных, смелых, образованных людей, которые именно личными качествами обеспечили свое избрание»³. В дальнейшем Головин высказывает суждение о том, что России не следовало переходить к системе двухпалатного парламента, а оставить структуру Съезда при небольшом профессиональном Верховном Совете⁴.

Среди прочих эпизодов руководитель секретариата Конституционной комиссии А. Гольцблат описывает в своих кратких мемуарах поездку делегации в США, встречи делегации с американскими конгрессменами, сенаторами и другими лицами. «Им хотелось понять, что происходит»⁵, — пишет Гольцблат, под-

¹ Там же. С. 762.

² Там же. С. 768.

³ Т. 6. С. 777.

⁴ Т. 6. С. 779.

⁵ Там же. С. 781.

тверждая опыт других создателей Конституции, имевших дело с представителями США и других демократических стран. Там стремились понять, что происходит в новой России, а не учить русских, что и как им делать. Хотя встречалось иногда и такое.

В мемуарах народного депутата, известного адвоката Б.А. Золотухина воспроизведена живая картина создания и деятельности Конституционной комиссии и ее Рабочей группы с особым акцентом на разработку положений о судебной реформе, которые потом вошли в текст Конституции 1993 г. «Предстояло создать законодательную основу для возрождения в России подлинного правосудия, уничтоженного большевиками, — пишет Золотухин. — При этом превращение страны бессудной, каким был СССР, в государство, где суд стоит на защите гражданского мира, не требовало иностранных заимствований. Россия имела собственный успешный исторический опыт — Великую Судебную реформу Александра II, девизом которой были слова: «Суд правый, скорый и милостивый». Ее главными достижениями стали: суд присяжных, несменяемые и независимые от исполнительной власти профессиональные («коронные») судьи, мировой суд для мелких правонарушений и незначительных гражданских споров, независимая от власти присяжная адвокатура. Использование отечественного исторического опыта должно было сочетаться с современными достижениями демократических стран в сфере правосудия. К этой работе была привлечена группа ученых и практиков, известных своей высочайшей компетентностью и преданностью идеям правосудия: С.Е. Вицин, А.М. Ларин, И.Б. Михайловская, Т.Г. Морщакова, С.А. Пашин, И.Л. Петрухин, Р.В. Назаров. Их имена войдут в историю российского правосудия наряду с именами отцов Судебной реформы 1864 года», — продолжает Б.А. Золотухин¹. Вместе с тем автор рисует картину жесткого сопротивления реформам, в частности введению суда присяжных. И тут полным иронии контрастом является такой пассаж: «Не могу отказать себе в удовольствии поделиться с читателем любопытным фактом из новейшей истории. В день пятнадцатилетия со дня принятия Конституции, против которой так беззаветно и яростно воевал Слободкин, Д.А. Медведев наградил его Почетной грамотой Президента Российской Федерации «За активное участие в подготовке проекта Конституции Российской Федерации и *большой вклад в развитие демократических основ Российской Федерации*»².

Разумеется, «мемуарные» материалы и сегодня, спустя десятилетия отражают старые споры и прежние позиции их авторов. Некоторые, как мы видим, даже ужесточают эти позиции. Некоторые, однако, стремятся избежать предвзятости в оценке результатов реформ. В мемуарах доктора юридических наук, бывшего председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР В.Б. Исакова отмечается, что «независимо от своей партийной принадлежно-

¹ Там же. С. 792.

² Там же. С. 796, — курсив Б. Золотухина.

сти большинство депутатов поддерживало реформы, иначе трудно объяснить, почему первый Съезд народных депутатов РСФСР, состоявший более чем на 80 процентов из членов КПСС, на одном из первых своих заседаний под аплодисменты конституционным большинством упразднил статью 6 Конституции РСФСР о руководящей роли партии»¹. Далее, однако, как считает В.Б. Исаков, «на авансцене российской политики со всей очевидностью столкнулись две линии, две стратегии реформаторских действий — линия цивилизованного правового реформаторства и линия неправового экстремизма»². Перечислив серию конституционных актов 1991—1992 года, Исаков продолжает: «...Может сложиться впечатление, что Съезд народных депутатов и Верховный Совет действовали спокойно, планомерно, осуществляя в строго конституционных формах модернизацию экономической и политической системы страны. На самом деле это не так. Параллельно нормальному конституционному процессу своеобразным «контрапунктом» развивалась тенденция правового экстремизма: подавить политических противников, резко ускорить процессы реформирования, решить все проблемы одним ударом, пренебрегая принципами законности и конституционности». Одним из таких актов «неправового экстремизма» Исаков считает статью 5 Декларации о государственном суверенитете РСФСР, «провозглашающую верховенство российских законов над общесоюзными (правовое основание для последовавшей вскоре «войны российских и союзных законов»)»³.

Как инициатор и автор именно этой статьи (ее первого варианта), я рискую здесь отступить от заявленного мной принципа отказа от полемики с авторами мемуаров и отметить, что профессор Исаков не замечает, какую мантию он здесь на себя надевает — мантию адепта советской Конституции СССР с ее недемократическими нормами, к тому же исключавшими возможность остро необходимых народно-хозяйственных реформ, то есть мантию интеллектуального сторонника ГКЧП. Кстати, заявление о «войне законов» тут явное преувеличение. И я вынужден с извинениями напомнить Владимиру Борисовичу, что перечень рассмотренных им ранее как позитивные акты Съезда народных депутатов РСФСР вряд стал бы возможным, если бы не была принята радикальная Декларация о государственном суверенитете РСФСР и если бы работы над этими актами и продвижение их в жизнь не взяли на себя те, кого он, не называя имен, относит к «неправовым» экстремистам. Да, реформаторы-демократы действительно выступали, и небезуспешно, против «неправового» советского права, защитником которого спустя 20 лет неожиданно оказывается В.Б. Исаков. И им удалось повести за собой большинство Съезда. Впрочем, напомнить приходится и другое: упоминаемая Исаковым редакция ст. 5 имела в первых вариантах Декларации. В окончательном тексте она выглядит гораздо более

¹ Там же. С. 799.

² С. 800.

³ С. 801.

размытой, и слов о верховенстве российской конституции и российского права по отношению к союзным там нет.

Приходится продолжить полемику с маститым юристом и по другому вопросу. «24 октября 1990, — сообщает В.Б. Исаков, — принимается беспрецедентный в мировой практике Закон РСФСР «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР», предусматривающий ответственность должностных лиц и граждан за соблюдение законов СССР». Беспрецедентным здесь выглядит лишь представление автора о мировой практике. За «соблюдение» гитлеровских расистских законов, например, привлекались и до сих пор привлекаются в ФРГ к ответственности известные лица. И разве не следовало бы привлекать к ответственности кое-кого за соблюдение сталинского репрессивного законодательства или краткосрочного «законодательства» ГКЧП? В истории права полно примеров, когда смена государственного строя и правовой системы влечет за собой санкции за «соблюдение» законов старой системы и старого режима. Очень все же странное явление, когда, ратуя за право, видный юрист, председатель палаты парламента не замечает, что попирает собственное право. Для него существует только право СССР. Права суверенной РСФСР он просто не признает, видимо, не понимая, что Съезд народных депутатов РСФСР, который он призван представлять и который он хвалит, не в шутку, а **всерьез** принял Декларацию о государственном суверенитете и осуществил **на деле** государственный суверенитет РСФСР. Нравится это ему или нет, но маститый юрист не может не считаться с таким правовым фактом. Кто же здесь «неправовой» экстремист?

Однако в конечном счете В.Б. Исаков приходит к выводу, что «принятие Конституции Российской Федерации, при всех ее шероховатостях и недостатках, было несомненным шагом вперед, создало правовую основу для более свободного развития личности, государства и гражданского общества»¹. И с этим трудно не согласиться.

Мемуары, однако, показывают, что и среди демократов далеко не было единства, в том числе и по вопросу о суверенитете. «Первый Съезд, как, впрочем, и последующие, был поразительным политическим ристалищем. Проклятье осознанной необходимости уходило, на смену ему пришла свобода слов и действий, и за слова и за действия **нужно было отвечать прежде всего перед теми людьми**, которые проголосовали за тебя и подарили тебе исключительную свободу», — пишет народный депутат, известный историк Е.М. Кожокин. — Зависеть только от собственного народа — это ощущалось как невероятная степень свободы и, более того, счастья полной политической самореализации»². Вместе с тем, как считает Кожокин, «не все московские демократы однозначно поддерживали кандидатуру Б.Ельцина на пост Председателя». Кожокин критически описывает первое выступление Ельцина на Съезде,

¹ Там же. С. 804.

² Там же. С. 821.

в том числе «чеканные фразы про государственный суверенитет», авторство которых он почему-то приписывает то ли Бурбулису, то ли Шахраю, хотя известно и видно из документов, что идеями «государственного суверенитета» занимались в то время совсем другие люди¹.

Разумеется, читая и анализируя любые мемуары необходимо делать серьезные скидки на аберрацию памяти, на особенности восприятия, на особенности воображения и склонности к фантазиям, которых не лишены при всем профессионализме и политики, и юристы, и историки. Допущение романтической односторонности восприятия событий и фактов провозглашалась даже чуть ли не как принцип таким крупным историком немецкой школы, каким был, скажем, Леопольд Ранке².

Эту сторону субъективного восприятия событий и ценностей замечательно представляет в своем мемуарном анализе и самоанализе один из ведущих экспертов Конституционной комиссии и вместе с тем теоретик и философ права Л.С. Мамут. Фактически наличествовала, пишет автор, «расколота ментальность». Имелось подсознательное намерение «смягчить ... разрыв с советско-коммунистической системой ценностей. ... Удержать и сохранить что-то позитивное, полезное из прежнего образа жизни... не было, по-видимому, глубоко осознано (и прочувствовано), что смена ... господствующих социальных взглядов ... — закономерный нормальный процесс, а не хитроватые проделки разума... отсутствовало четкое понимание того, что Россия, весь мир в целом стоят на пороге качественно новой исторической эпохи, что они вплотную подошли к громадному общецивилизационному прорыву»³.

В этом смысле особое значение приобретают мемуары таких ключевых представителей депутатского корпуса, как М.А. Митюков и В.Л. Шейнис, которые вели непрерывные повременные записи происходящего вокруг них. Особая ценность дневников Митюкова и в том, что они открывают нам картину того, как конституционный процесс воспринимался в далекой от Москвы Хакасии. А интерес, как мы видим, был там активный⁴.

Достоинство рецензируемого многотомного издания, пишет В. Шейнис, состоит в том, что «драматические перипетии продолжавшегося три с половиной года конституционного процесса представлены обстоятельно, скрупулезно, с разных точек зрения». С благородством истинного интеллигента Виктор Леонидович Шейнис скрупулезно отдает в своих мемуарах персональную дань колле-

¹ Там же. С. 822. Между тем в изданных в 1992 г. стенограммах Первого Съезда этих «чеканных слов» Ельцина мы не находим. Однако, в согласии с памятью Е.М. Кожокина находится и память автора настоящей статьи, как мемуариста. См. «Русская весна». Дружба народов. 2008. Номер 1.

² Историк должен обладать творческой фантазией, быть и учёным, и художником. Истинная история возникает из соединения методического исследования с философским воззрением и художественным воспроизведением, считал Ранке.

³ Там же. С. 836.

⁴ См. Т. 6. С. 849–898.

гам по Конституционной комиссии и Рабочей группе. В частности, неожиданно скончавшемуся в самом начале работы ее неутомимому участнику, крупному ученому с мировым именем и несгибаемому диссиденту Револьту Пименову. Не забывает автор особо отметить и роль другого диссидента и правозащитника С.А. Ковалева, который при всем критическом отношении большинства делегаций к кандидатам в Верховный Совет от столиц, тем более активным демократам, был уже в первом туре избран в этот орган.

«На наших глазах, нашими руками возводилось почти что от нуля здание российской демократической конституции», — продолжает Виктор Шейнис¹. «Думаю, что *первые варианты Конституции, подготовленные к концу 1990 года, были наилучшими*. Они в наибольшей мере отвечали требованиям мирного выхода из коммунистической системы и закладывали основы демократического правопорядка с отчетливо выраженным приоритетом прав и свобод человека и гражданина, с гарантиями этих прав, с сильным парламентом и независимой судебной властью, с опорой на институты гражданского общества, с подлинным федерализмом»².

К этой оценке, по существу, присоединяется и депутат А.Ю. Царев. «Соотношение полномочий высших органов государственной власти в первоначальном проекте новой Конституции было на удивление оптимальным...»³.

Мне остается упомянуть об очень обстоятельных и серьезных аналитических мемуарах таких ключевых политических фигур этого периода, как выполнявшего на всем протяжении эпохи фактически роль главного парламентского юриста **С.М. Шахрая**, к тому же автора одного из альтернативных проектов Конституции, как Председателя Верховного Совета и одного из главных участников и режиссеров политических событий **Р.И. Хасбулатова**, и как взявшего на себя исключительно трудную роль модератора разгулявшихся страстей и амбиций первого заместителя Председателя Верховного Совета и в дальнейшем руководителя Администрации Президента, демократа по убеждениям **С.А. Филатова**. Обрывочное цитирование этих наиболее объемных мемуаров вряд ли имеет смысл. Особенности же политической биографии, наложившие существенный отпечаток на степень убедительности некоторых из них, неизбежно потребуют обстоятельной полемики, для которой должно быть найдено другое место.

Огромный объем мемуарной части не дает возможности последовательно охватить все воспоминания и все их детали. Но метод случайной выборки позволил, на наш взгляд, вычленить для читателя как типическое, так и оригинальное.

¹ Там же. С. 1013.

² Там же. С. 1015. Курсив *В.Ш.*

³ Там же. С. 990.